

Определение основных стилистических понятий в той или иной мере зависит от лингвистического понимания термина «стиль». Вопросами стиля занимались различные лингвисты: Л.В.Щерба, Е.Д.Поливанов, В.В.Виноградов, Л.П.Якубинский, Г.О.Винокур, Б.А.Ларин, позднее Р.А.Будагов, В.Г.Костомаров, Ю.С.Степанов, М.Н.Кожина, О.А.Лаптева, Д.Н.Шмелев, А.Н.Васильева и др. Однако термин «стиль» определяется далеко не однозначно. В частности, остаются до конца не разработанными такие понятия, как «стиль языка» и «стиль речи». Как отмечает Д.Н.Шмелев, вопрос о стилистическом статусе отдельных разновидностей языка не решен пока сколько-нибудь однозначно (4). Большинство ученых за основу принимается определение функционального стиля, данное В.В.Виноградовым: «Стиль – это общественно-осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенационального, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции – в речевой общественной практике данного народа. Стили, находясь в

тесном взаимодействии, могут частично смешиваться и проникать один в другой. В индивидуальном употреблении границы стилей могут еще более резко смещаться, и один стиль может для достижения той или иной цели употребляться в функции другого» (3). Таким образом, вопросы, связанные со стилевой системой языка, являются важными и актуальными, а изучение нормализации русского литературного языка предполагает и грамматическую регламентацию стилей, изучаемую достаточно широко и в современной лингвистике.

1. Виноградов В.В. *Стилистика: Теория поэтической речи: Поэтика*. – М., 1963
2. Виноградов В.В. *Итоги обсуждения вопросов стилистики*. // Вопросы языкознания. – М., 1995, №1
3. Балли Ш. *Французская стилистика*. – М., 1961
4. Шмелев Д.Н. *Русский язык в его функциональных разновидностях*. – М., 1977
5. Гвоздев Л.Г. *Стилистика. Очерки по стилистике русского языка*. – М., 1965
6. Барлас Л.Г. *Стилистика русского языка*. – М., 1978
7. Кожина М.Н. *Стилистика русского языка*. – М., 1983

Үлттық орыс тілінің стильдік жүйесінің грамматикалық регламентациясы.

Grammatical regulation of style system national Russian language.

Ф. Б. Аманалиева

РОЛЬ ПРЕЗЕНТАЦИИ ДИАЛОГА В ТЕКСТОВОМ СТРУКТУРИРОВАНИИ

Выделение текста в качестве объекта лингвистического анализа выдвинуло вопрос о его категориальных свойствах. При этом текст определяется как завершенное целостное речевое произведение. «Текст, – пишет И.Р.Гальперин, – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (СФЕ), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [1, с.18].

Категории же текста определяются как понятия, отражающие его наиболее общие и существенные признаки и представляющие собой сту-

пеньки в познании его онтологических, гносеологических и структурных признаков (И.Р.Гальперин, З.Я.Тураева) [1, 2].

Однако текстовые категории, которыми оперируют исследователи текста (И.Р.Гальперин, Т.Н.Николаева, А.И.Новиков, Н.Д.Зарубина, С.В.Сидоров, З.Н.Тураева и др.) [1, 3, 4, 5,2], оказываются чрезвычайно разнообразными.

Это разнообразие связано прежде всего с различием в самом подходе к классификационным критериям. Характеризуя эти подходы, назовем лишь главные из них: 1) подходы с ориентацией на грамматические категории предложения; 2) с ориентацией на синтагматические и парадигматические связи в тексте; 3) с ориентацией на понятийно-логическую основу; 4) с ориентацией на коммуникативно-интегрирующую основу.

1) Так, первая точка зрения связана с попыткой установления изоморфизма между категориями предложения и категориями текста. Отсюда, например, выделение Н.П.Пешковой таких текстовых категорий, как субъективность, объективность, предикативность.

2) Учет синтагматических и парадигматических связей привел к выделению таких категорий, например, как связность (когезия), членимость, интеграция (И.Р.Гальперин), последовательность (Н.Д.Бурвикова-Зарубина), развернутость (А.И.Новиков) и др.

3) Ориентация на понятийно-логическую основу обеспечила выделение категории каузальности (М.Б.Малинович), импликации (С.А.Мегентесов), категории смыслового зацепления и смыслового перекрытия (К.Кожевникова).

4) Использование в качестве критерия собственно коммуникативной основы, при которой текст рассматривается в качестве центрального звена в исходном триединстве: порождение – текст – речевосприятие, привело к выделению категории централизации.

Так, Е.В.Сидоров, исходя из названного принципа, выделяет категорию централизации, функционирующую «как аспект интегративности текста в виде последовательной и разнорядковой инклюзии ядер и периферий. Природа этой категории рассматривается как трансграмматическая, многоаспектная: в ней сосредотачиваются, переплетаясь друг с другом, начала тематические, субъективно-предикативные, логико-содержательные, информационные, лексические, стилистические и др.

Из приведенных здесь далеко не всех концепций наиболее распространенной является концепция, ориентированная на учет синтагматических и парадигматических текстовых связей. Однако даже в пределах этой концепции можно встретиться с самыми различными видами конкретизации текстовых категорий. В качестве иллюстрации можно сослаться хотя бы на разные их составы в книгах, казалось бы, единомышленников И.Р.Гальперина и З.Я.Тураевой [1, 2].

У И.Р.Гальперина в качестве текстовых категорий представлены: информативность, членимость, когезия (связность), континуум (определенная последовательность фактов, развертывающихся во времени и пространстве), автосемантия (относительная независимость отрезков текста), ретроспекция (проспекция, модальность (субъективно-оценочное отношение к высказыванию), интеграция, завершенность.

У З.Я.Тураевой обнаруживаем несколько другой набор текстовых категорий: структурные – сцепление, интеграция, прогрессия/стагнация – и содержательные – образ автора, художественное пространство и время, информативность, причинность, подтекст [2, с.81].

Эта «рассогласованность» связана с различными причинами: и с непоследовательностью в реализации основного исходного принципа выделения текстовых категорий, и в переносе на текст признаков, относящихся к речи в целом и др. (С.Г.Ильенко) [6].

Признавая плодотворность выделения текстовых категорий (тем более, если иметь в виду их инструментальный характер), следует сделать две принципиальные оговорки: 1) они специфичны по отношению к каждому функциональному стилю и по отношению к речевой сфере художественной литературы, 2) они неоднозначны по той роли, которую играют в структурировании текста.

С учетом этих оговорок в качестве основных текстовых категорий в сфере художественной прозы можно назвать интеграцию, делимитацию, континуум (И.Р.Гальперин), партитурность (полифонию) (А.Д.Прянишникова), перцептуальность (С.Г.Ильенко).

В реализации названных категорий значительная роль принадлежит конструкции с прямой речью (КПР) как диалогического, так и недиалогического использования.

Категория интеграции обеспечивает единство и целостность и всего текста и его частей. Участвуя в объединении смыслов отдельных его компонентов (и грамматических и композиционных) в единое целое, интеграция в то же время как бы нейтрализует некую автономность этих компонентов, подчиняя их в конечном счете концептуальной информации. Естественно, что в осуществлении этой глобальной задачи участвует целый комплекс языковых и композиционных средств, но среди них заметная роль принадлежит КПР как в ее диалоговой, так и недиалоговой презентации. Значимость этого средства целесообразнее проиллюстрировать на примерах произведений одного писателя, показав две основные возможности КПР: ее роль в структурировании всего произведения и ее роль в композиционно-стилистической организации того или иного ключевого фрагмента.

Первая возможность КПР легко обнаруживается в романе М.Булгакова «Мастер и Маргарита». Характеризуя всю композиционно-художественную структуру этого произведения в целом, можно со всей определенностью ска-

зять, что оно в основе своей опирается на прием композиционно-стилистического переноса КПП из одного пространственного континуума (советская Москва) в другой (Древний Ершалаим Иудеи). Создавая «роман в романе», а следовательно, - диалог в диалоге, М.Булгаков нашел для «переброса» из повествования фантастического в повествование психологическое самую эффективную форму, а именно форму КПП, Главы как бы разных романов внутри единого целого, каким является весь текст «Мастера и Маргариты», смыкаются именно благодаря КПП, она тем или иным способом заканчивает «московскую» эпопею и начинает ершалаимскую. Это выдержано последовательно (исключение составляет лишь переход от 15 к 16 главе, когда используется «прием сна» - в данном случае сон снится Ивану Бездомному).

Конкретно это представлено следующим образом:

1) «И опять крайне удивились и редактор и поэт, а профессор поманил

обоих к себе и, когда они наклонились к нему, прошептал:

- Имейте в виду, что Иисус существовал.

- Видите ли, профессор, - принужденно улыбувшись, отозвался Берлиоз, - мы уважаем ваши большие знания, но сами по этому вопросу придерживаемся другой точки зрения.

- А не надо никаких точек зрения! - ответил странный профессор, - просто он существовал, и больше ничего.

- Но требуется какое-нибудь доказательство... - начал Берлиоз.

- И доказательств никаких не требуется, - ответил профессор и заговорил негромко, причем его акцент почему-то пропал: - Все просто: в белом плаще... (конец главы)

Глава 2

В белом плаще с кровавым подбором, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат»;

2) «Ничто не исчезало, всесильный Воланд был действительно всесилен, и сколько угодно, хотя бы до самого рассвета, могла Маргарита шелестеть листьями тетрадей, разглядывать их и целовать и перечитывать слова:

- Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город... Да, тьма... (Глава 24)

Глава 25

Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город. Исчезли висячие мосты, соединяющие храм со страшной Антониевой башней, опустилась с неба бездна и залила крылатых богов над гипподромом, Хасмонейский дворец с бойницами, базары, каравансарая, переулки, пруды... Пропал Ершалаим - великий город, как будто не существовал на свете»;

3) «Так встретил рассвет пятнадцатого нисана пятый прокуратор Иудеи Понтий Пилат. (Глава 26)

Глава 27

Когда Маргарита дошла до последних слов главы «...так встретил рассвет пятнадцатого нисана пятый прокуратор Иудеи Понтий Пилат», - наступило утро».

Возможности КПП как «цементирующей» категории, последовательно интегрирующей все произведение в целом, несомненно, впечатляет. Пример использования КПП в «Мастере и Маргарите» уникален. Но в этой уникальности обнаруживаются композиционно-стилистические тенденции КПП.

Чаще КПП используется для более «скромных» целей - целей интеграции отдельных текстовых фрагментов. Если обратиться и в данном случае к творчеству того же М.Булгакова, то можно сослаться хотя бы на сцену, описывающую выход из кризиса смертельно больного Алексея Турбина. КПП и в этом случае принадлежит роль интегрирующего начала, поскольку реплика Турбина: «- Кризис, Бродович. Что ... выживу?.. А-га.» объединяет ситуацию по принципу «до» и «после»:

«Доктор Алексей Турбин, восковый, как ломаная, мятая в потных руках свеча, выбросив из-под одеяла костистые руки с нестриженными ногтями, лежал, задрал вверх острый подбородок. Тело его оплывало липким потом, а высохшая скользкая грудь вздымалась в прорезах рубахи. Он свел голову книзу, уперся подбородком в грудину, расцепил пожелтевшие зубы, приоткрыл глаза. В них еще колыхалась рваная завеса тумана и бреда, но уже в клочьях черного грянул свет. Очень слабым голосом, сиплым и тонким, он сказал:

- Кризис, Бродович. Что ... выживу?.. А-га.

Карась в трясущихся руках держал лампу, и она освещала вдавленную постель и комья простынь с серыми тенями в складках.

Бритый врач не совсем верной рукой сдвинул в щипок остатки мяса, вкалывая в руку Турбину

иглу маленького шприца. Мелкие капельки выступили у врача на лбу. Он был взволнован и потрясен» (М.А.Булгаков. Белая гвардия, ч.II.).

Таким образом, КПР может выступать в качестве интегрирующего начала как по отношению к произведению в целом, так и по отношению к отдельной его части.

Категория делимитации является категорией, составляющей своеобразное диалектическое единство с категорией интеграции, поскольку выделение, иначе разъединение тех или иных составных частей текста есть вместе с тем факт объединения его слагаемых. Однако делимитация (членимость) текста неоднородна. Можно указать по крайней мере на три разных, но перекрещивающихся способа делимитации: 1) композиционно-стилистический, 2) функционально-синтаксический и 3) речеавтономный.

Первый из названных способов связан с объективными приемами композиционной членности прозы, следствием чего является «дозирование» текстового пространства на части (иногда – тома), главы и абзацы. Этот вид членения может быть назван технологически объективизированным, поскольку обладает средствами композиционной маркированности. Лингвистическая основа членности подобного рода целиком подчиняется содержательным и прагматическим задачам.

Другие из названных способов являются собственно лингвистическими, а следовательно, требуют более основательного комментария.

Функционально-синтаксический способ подразумевает ориентированность на использование в качестве факта делимитации синтаксической единицы. Известно, что на текстовом уровне в качестве таковой выступает ССЦ (сложное синтаксическое целое). Квалификационный статус названной единицы представлен по-разному: синтаксическая единица (Н.С.Поспелов, Г.А.Золотова, Л.М.Лосева и др.), функциональная единица (М.Н.Дымарский), формирующаяся как синтаксическая (в отдельных его разновидностях – при наличии синтаксического маркера) и функциональная в подавляющем большинстве случаев (С.Г.Ильенко).

Эта последняя позиция позволяет ставить вопрос о существовании специфической подсистемы языка – текстообразовании. Методологическим обоснованием выделения названной подсистемы может служить, например, высказывание О.И.Москальской, весьма типичное для 70-х – 80-х годов: «Человек выражает свои мысли, сообщает их другим людям в форме высказываний, состоящих в большинстве слу-

чаев из цепочки взаимосвязанных предложений, образующих сверхфразовое единство или «текст». Отождествление понятий высказывание и текст лежит в основе популярного тезиса, что человеческая речь осуществляется не в форме предложений, а в форме текста» [7, с.16].

Выделение в качестве особой области текстообразования потребовало и специальной постановки вопроса о единицах, составляющих эту область. С.Г.Ильенко называет три: текстема, ССЦ, ПРК (предикативно-релятивную конструкцию).

Ключ к пониманию сущности текстемы дает теория сложного предложения (СП).

Изучение сложного предложения показало, что составляющие его компоненты, долгое время называемые простыми предложениями, таковыми по существу не являются (иная функция, иная структурно-композиционная оформленность). Не случайно и появились термины: «часть сложного предложения», «предикативная единица сложного предложения» и др. Это положение справедливо перенести и на квалификацию компонентов ССЦ, которые, приобретая особый статус, могут быть названы текстемами. Характеризуя текстему, следует говорить о приспособляемости предложения к взаимосвязи с другими предложениями, иначе говоря, о превращении предложения в специфическое составляющее, в компонент текста (если под последним подразумевать прежде всего содружество самостоятельных единиц).

Названная приспособленность может быть не только содержательной, но и структурной. В этом случае уместно вспомнить идею Н.Д. Бурвиковой-Зарубиной о наличии в тексте категории последовательности, реализуемой порядком слов, эллипсисом, употреблением союзов и анафорических местоимений. Заметим попутно, что анафорические местоимения являются универсальным средством адаптации предложения к тексту, одним из самых очевидных показателей некой несамостоятельности предикативной единицы, ее вовлеченности в более сложную структуру. Приведем ССЦ функционального типа с типическими для него текстемами:

«Цветным складывающимся и раскрывающимся лоскутком пролетела с солнечной стороны коричнево-красчатая бабочка. Доктор сонными глазами проследил за ее полетом. Она села на то, что больше всего походило на ее окраску, на коричнево-красчатую кору сосны, с которою она и слилась совершенно неотлично. Бабочка незаметно ступевалась на ней, как бесследно терялся Юрий Андреевич для посто-

ронного глаза под игравшей на нем сеткой солнечных лучей и теней.

Привычный круг мыслей овладел Юрием Андреевичем. Он во многих работах по медицине затрагивал его. О воле и целесообразности, как следствии совершенствующегося приспособления. О мимикрии, о подражательной и предохранительной окраске. О выживании наиболее приспособленных, о том, что, может быть, путь, откладываемый естественным отбором, и есть путь выработки и рождению сознания. Что такое субъект? Что такое субъект? Как дать определение их тождества? В размышлениях доктора Дарвин встречался с Шеллингом, а пролетевшая бабочка с современной живописью, с импрессионистическим искусством. Он думал о творении, твари, творчестве и притворстве.

И он снова уснул, и через минуту опять проснулся» (Б.Пастернак. Доктор Живаго, кн.2, ч.II).

ССЦ (сложное синтаксическое целое) – структурно-семантическое единство, представляющее собой содружество систем (в специальной литературе их некорректно называют предложениями), объединенных друг с другом в смысловом и грамматическом отношении и служащих для выражения того или иного смысла концепции, присущей целому тексту.

Если следовать за идеей, высказанной С.Г.Ильенко, то необходимо выделить два типа ССЦ: а) синтаксически маркированное (уже сформировавшееся, например, с именительным темой) и б) синтаксически немаркированное – собственно функциональное. (Заметим при этом, что сохранение и за этим типом наименования ССЦ позволяет не только установившаяся традиция, но и наличие синтаксических средств, используемых для его формирования).

В приведенном ниже фрагменте (А если говорить точнее, в ПРК) из «Доктора Живаго» используются обе разновидности ССЦ (первые два – функциональные, последнее, начинающееся именительным темой: «Переделка жизни!», - синтаксическое):

«Господь с вами, Ливерий Аверкиевич! Какое тут высокомерие! Я преклоняюсь перед вашей воспитательной работой. Обзор вопросов повторяется на повестках. Я читал его. Ваши мысли о духовном развитии солдат мне известны. Я от них в восхищении. Все, что у вас сказано об отношении воина народной армии к товарищам, к слабым, к беззащитным, к женщине, к идее чистоты и чести, это ведь почти то же, что сложило духоборческую общину, это

род толстовства, это мечта о достойном существовании, этим полно мое отрочество. Мне ли смеяться над такими вещами?

Но, во-первых, идеи общего совершенствования так, как они стали пониматься с октября, меня не воспаляют. Во-вторых, это все еще далеко от существования, а за одни еще толки об этом заплачено такими морями крови, что, пожалуй, цель не оправдывает средства. В-третьих, и это главное, когда я слышу о переделке жизни, я теряю власть над собой и впадаю в отчаяние.

Переделка жизни! Так могут рассуждать люди, хотя может быть, и выдавшие виды, но ни разу не узнавшие жизни, не почувствовавшие ее духа, души ее. Для них существование – это комок грубого, не облагороженного их прикосновением материала, нуждающегося в их обработке. А материалом, веществом жизнь никогда не бывает. Она сама, если хотите знать, непрерывно себя обновляющее, вечно себя перерабатывающее начало, она сама вечно себя переделывает и претворяет, она сама куда выше наших с вами тупоумных теорий» (Б.Пастернак. Доктор Живаго, кн.2, ч.II).

Приведенный фрагмент представляет собой разновидность ПРК – предикативно-релятивных конструкций – являющихся объединением двух или нескольких ССЦ, в котором одному из них принадлежит основное концептуально-смысловое назначение, другим же – второстепенное. В данном случае предикативным ССЦ является – завершающее.

Итак, выделение названных выше единиц: тексты, ССЦ, ПРК – дает основание для соответственного выделения специфической области – текстообразования. Ее основной единицей является ССЦ, его компонент – текстема обнаруживает его органическую связь с собственно языковой системой, с предложением, с одной стороны; с другой же стороны, функция ССЦ – отражать концептуальный смысл речемыслительного целого (М.Я.Дымарский) [8] – связывает его с целым текстом, а потому функционально превращает его в текстовую единицу.

Функционально-синтаксическая делимитация позволяет и глубже, и тоньше реализовать идейно-эстетический замысел художественного произведения. Она обнаруживает себя во всех видах речевых автономий.

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981.

2. Тураева З.Я. Лингвистика текста / Текст: структура и семантика).- М., 1986.

3. Николаева Т.М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М., 1978.

4. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М., 1977.

5. Зарубина Н.Д. Сверхфразовое единство как лингвистическая единица (некоторые особенности структурной организации и употребления в языке газеты). Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. М., 1973.

6. Ильенко С.Г. Синтаксические единицы в тексте. Л., 1989.

7. Москальская О.И. Грамматика текста. М., 1981.

8. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. Санкт-Петербург, 1999.

Текст құрастырудағы диалогты ұсыну ролі

Role of dialogue presenting in the text structuring

А. Тасымов

ҚАЛМАҚ РЕСПУБЛИКАСЫНДА ТҰРАТЫН ҚАЗАҚТАР ТІЛІНДЕГІ ӘДЕБИ ТІЛДЕН ШАЛҒАЙ ҚОЛДАНЫЛАТЫН ДИАЛЕКТИЗМДЕР

Тарихи деректерге қарағанда Қалмақ АССР-ында тұратын қазақтар бұл аймаққа негізінен Қазақстанның, әсіресе Кіші жүз қазақтарының Россияға қосылуынан кейінгі дәуірде келе бастағаны байқалады. Бұлардың арасында XIX ғасырдың аяғында, тіпті XX ғасырдың 20-30 жылдарында көшіп келгендері де бар. Этникалық құрамы жағынан қалмақ қазақтарының негізгі көпшілігі он екі ата Байұлы болып саналады. Олардың ішінде жиірек кездесетіндері: адайлар мен байбақтылар, қызылқұрттар мен жаппастар, есентемірлер мен беріштер.

1959 жылғы Бүкілодақтық халық санағының мәліметі бойынша Қалмақ АССР-ында 8550 қазақ тұратын болса, 1970 жылғы санақта-7097. Бұл жағдай қазақтардың Қазақстанға қайтып кетуіне байланысты болса керек.

Қалмақ АССР-ындағы қазақтарды осы республиканың барлық жерінен де кездестіруге болады. Бірақ олардың көбірек шоғырланып тұрған жерлері: Юста (2664 кісі), Яшкуль (1885 кісі) аудандары мен Каспийск (1378 кісі) қаласы. Сондай-ақ республиканың орталығы Элистанының өзіндегі (128 кісі) және басқа аудандарында да қазақтар жүздеп тұрады (сол кездегі санақ бойынша).

Қазақтарды республикадағы халық шаруашылығының барлық саласынан табуға болады. Бірақ көпшілігінің шұғылданатыны – мал шаруашылығы мен балықшылық кәсібі. Егер мал шаруашылығында олар көбінесе бірыңғай, онаша істесе, балықшылық кәсібінде, әсіресе өнеркәсіп, ауыл шаруашылық саласында басқа ұлттар өкілдерімен қоян-қолтық отырып қызмет істейді.

Қалмақ АССР-ында тұратын қазақтардың тілінде байқалатын лексикалық ерекшеліктерді сөз еткенде міне осы айтылған жағдайларды ескермеске болмайды. Өйткені тілге, әсіресе оның лексикасына сол халықтың этникалық құрамы, этнографиялық ерекшелігі, экономикалық жағдайы, мәдениеті, басқа халықтармен қарым-қатынасы өз әсерін тигізбей қоймайды. Анығырақ айтқанда, бұл жағдайлар бірде сол жердегі тұрғындар тілінде ғана қолданылатын жаңа сөз және сөз тіркестерін жасауға, не шеттен қабылдауға итермелесе, бірде бар сөздің өзін айналдырып, басқа мағынада, немесе мағынасын тарылтып, не кеңейтіп қолдануға апарады.

Сөздер мен сөз тіркестерінің осылайша әдеттегіден тыс, әдеби нормадан шалғай қолданылуы диалектология ғылымында диалектизмдер (яғни жергілікті тіл ерекшеліктері) деп аталады. Ал олардың өзіндік өмірі, тарихи заңдылығы болмақшы. Бұл заңдылықты білу, белгілі бір лингвистикалық ортаның, бір не бірнеше регионда шоғырланған этникалық топтың тіл ерекшеліктерін нақтылы фактілер негізінде жіті тексеріп, оның сыр-сипатын аша түсу, сайын келгенде, сол тілдің тарихын, кешегісі мен бүгінгісін тереңнен түсінуге мүмкіндік береді.

Осы тұрғыдан алып қарағанда, сөз еткелі отырған Қалмақ АССР-ындағы қазақтардың тіліндегі лексикалық ерекшеліктер де кейбір тілдік заңдылықтардың бетін ашатын сөзсіз. Бұл ерекшеліктерді төмендегіше бірнеше топқа бөліп қарастыруға болады.

1. Қазіргі қазақ әдеби тілінде мүлдем қолданылмайтын, оның нормасы ретінде қалыптас-